

Наталия Николаевна Сотникова
Любовь по-французски. О чем умолчал Дюма

Фаворитки и фавориты –

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА
ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ

Аннотация

В своем самом популярном историческом романе «Три мушкетера» Александр Дюма построил увлекательную интригу вокруг, казалось бы, банального любовного треугольника: король Франции Людовик XIII – его супруга Анна Австрийская – английский герцог Бекингем. Но поведал ли писатель читателям всю правду о своих героях? К кому на самом деле испытывал сердечную привязанность Людовик XIII, прозванный в народе «Целомудренным»? Каким образом обрел свое невиданное могущество герцог Бекингем? Каково содержание «Марлезонского балета»? Действительно ли коварная миледи Винтер распрощалась с жизнью под топором палача? Популярный автор Наталия Сотникова на основании исторических свидетельств постаралась выяснить, о чем умолчал знаменитый сочинитель Александр Дюма.

Наталия Сотникова О чем умолчал Александр Дюма

Вместо предисловия

Судя по всему, роман Александра Дюма «Три мушкетера» по сию пору остается одной из самых популярных исторических книг. Как известно, приключения великолепной четверки героев напрямую связаны с отношениями между самыми видными особами того времени: королем Франции Людовиком XIII, его супругой, урожденной испанской принцессой Анной Австрийской, и герцогом Бекингом, фаворитом английских королей Иакова I и Карла I. С виду все выглядит очень просто: герцог Бекингем страстно влюбляется в прекрасную Анну Австрийскую, та свято хранит незапятнанной свою супружескую честь, но ее злейший враг, кардинал Ришелье, желая погубить королеву, возводит на нее напраслину, и король готов поверить в самое невероятное. При активном содействии мушкетеров репутация королевы спасена, мир между августейшими супругами восстановлен.

Но так ли все было на самом деле? Естественно, король Людовик XIII чрезвычайно радел о своей супружеской чести, но действительно ли настолько дорога была ему супруга, на которой его женили подростком из чисто государственных соображений? Был ли на самом деле так страстно влюблен в королеву Бекингем, чтобы пойти на начало военных действий против Франции?

Оказывается, все обстояло несколько по-иному. Как? Прочтите две небольшие повести, которые входят в эту книгу. Несомненно, Александру Дюма все эти исторические факты было прекрасно известны, но уж больно притягательно выглядел для его бойкого пера сюжет с алмазными подвесками, обеспечивавший увлекательное, не дающее возможности оторваться чтение. Писатель предпочел опустить некоторые житейские обстоятельства в угоду занимательности. Не будем судить его строго, тем более что он достиг поставленной цели – читатели в течение уже почти двух веков глотают роман о мушкетерах в один присест. Но мне представляется, что те исторические подробности, о которых умолчал сочинитель Александр Дюма, окажутся не менее интересными для российского любителя исторической прозы и позволят ему под иным углом взглянуть на широко известные события.

Красавец Бекингем – неотразимый и неукротимый

Наследник двух корон

Король Шотландии Иаков VI Стюарт (1566–1625), ставший после смерти его дальней родственницы Елизаветы I Тюдор королем Англии, Шотландии и Ирландии Иаковом I, был человеком, не лишенным некоторых странностей. Возможно, сказалась нелегкая и не совсем обычная жизненная судьба: когда его мать, легендарная Мария Стюарт, была беременна своим единственным сыном, буквально у ее ног был зверски убит секретарь и музыкант королевы Давид Риччо. Через восемь месяцев после рождения младенца жертвой заговора пал его отец, лорд Генри Дарнлей. Иаков стал королем в возрасте 13 месяцев, когда в его пользу от короны Шотландии отреклась Мария Стюарт. Она предпочла безоглядно вступить на гибельный путь страстей, приведших ее в итоге на эшафот и превративших в безвинную жертву неумолимого хода истории.

Вплоть до совершеннолетия за мальчика в короне управляли, сменяя один другого, четыре регента, проявлявших чрезвычайную заботу об его хорошем образовании. Однако приставленные для надзора за царственным ребенком супруги граф и графиня Мар, его воспитатель Джордж Бьюкенен и наставник Питер Янг были сторонниками типичного для той поры сурового воспитания и не делали никаких попыток привнести в него хоть чуточку тепла. Проживание в отсыревших стенах мрачных холодных замков Шотландии привело к тому, что до семи лет Иаков вообще был не в состоянии ходить – оказал свое вредоносное воздействие бич детей тех безжалостных времен, рахит, – и потом всю жизнь чувствовал себя весьма неуверенно на своих тонких, длинных ногах.

Он в юности сполна прочувствовал на себе те религиозные и феодальные распри, которые буквально сотрясали небольшую Шотландию. Иакова всю жизнь терзал смертельный страх перед покушениями на его жизнь, мятежами, всякого рода крамольными брожениями и испытывал патологический ужас при виде обнаженного холодного оружия. Даже при незначительных нападках на свою королевскую персону он вел себя в высшей степени растерянно и трусливо. Иаков смолоду возненавидел столкновения любого рода и сумел укротить как бунтовавшую знать, так и всесильных церковников, установив в родной Шотландии такой порядок под самодержавной королевской властью, которого ранее там и ведать не ведали. Вместе с тем он много занимался науками, написал несколько трудов, в которых не только изложил теологическое обоснование монархии, утверждая библейскую природу божественного права монархов, королевской прерогативы, но и занимался таким любопытным явлением как демонология. Кое-кто из современников называл его «умнейшим дураком христианства». Ему также не была чужда любовь к поэзии и стихосложению.

Его окружало исключительно мужское общество, дело дошло до того, что в королевском замке Холируд, где в течение почти 20 лет не было королевы, женщинам стало опасно появляться из-за страха быть подвергнутой самым бесцеремонным домогательствам. Король любил охоту – единственный вид деятельности, при котором исчезала его кажущаяся нерешительность, – и не жалел денег ни на лошадей, ни на собак. В то же самое время для обеспечения приличного приема иностранных послов ему приходилось брать займы у знатных семей серебряную посуду и, однажды, даже пару шелковых чулок. В замке кишели конюхи, грумы, псары, сокольничие, между ними сновали молоденькие подручные и пажи с личиками сущих ангелов. Похоже, именно тогда в малолетнем короле заложились предпочтения к обществу особ мужского пола.

В возрасте четырнадцати лет судьбе было угодно свести Иакова с двоюродным братом своего погибшего отца лорда Дарнлея, 37-летним Эсме Стюартом (1542–1583), который большую часть жизни провел во Франции. Этот человек стал первым фаворитом Иакова, осыпавшего его милостями и даровавшего титул герцога Леннокса – единственного герцога Шотландии. Впрочем, шотландские лорды, обеспокоенные таким феерическим взлетом Эсме Стюарта, сумели заманить того в ловушку, продержав в плену около года и вынудить вернуться во Францию. Там он вскоре и скончался, до последних дней своей жизни поддерживая тайную переписку с Иаковом.

К истории вопроса «об этом»

Мне не ведомо, существуют ли какие-то исследования по поводу истории гомосексуальных отношений в Шотландии, но в Англии они есть. Данная традиция существует с самых давних времен; невзирая на скудость свидетельств, еще античные авторы отмечали, что молодые отпрыски кельтов, населявших тогда Британские острова, «не скупятся делиться своими юными прелестями». От периода пребывания римлян в туманном Альбионе документов сохранилось в изобилии. Известно, что некоторые историки называли гомосексуальность в древнем Риме по причине ее распространенности «римской религией». Тацит указал, что «варвары также выучились порокам разврата». Ему принадлежат слова о том, что завоеванные римлянами племена тотчас же принялись подражать распущенности новых хозяев, называя это «цивилизацией», тогда как на самом деле это стало всего лишь «знаком их порабощения». Существуют документы о распространенности не только гомосексуальных, но и лесбийских отношений на Британских островах, основная часть этих свидетельств относится, естественно, к Лондону.

С вторжением на острова англосаксонских племен практика этих отношений не исчезла. После официального прихода христианства на территорию Англии в 597 году появились и законы против содомии, хотя виновные еще не подлежали смертной казни, как это было установлено в XVI веке. Заклейменный церковью грех был весьма характерен и для последующих завоевателей страны, викингов и норманнов. В основном, отношения подобного рода были особенно распространены в среде военных и в монастырях. После учреждения университетов грех просочился и в среду школяров, вынужденных спать вместе, дабы согреться в холодную пору.

Естественно, от него не убереглись и сильные мира сего. Если подобные наклонности были чужды Вильгельму I Завоевателю, то этим грешил его наследник Вильгельм II, по прозвищу Рыжий, который так и не женился, и не озаботился обзавестись наследниками. Известно, что Ричард Львиное Сердце самолично порицал себя за склонность к тому, что он называл «тем самым грехом». Широко известна история практически первого официального фаворита короля Эдуарда II, Пьера Гэвистона, сына гасконского дворянина, поступившего на службу ко двору Эдуарда I в 1297 году. Король, на которого произвели впечатление красота юноши и его манера держаться, перевел его в штат своего сына Эдуарда, принца Уэльского (1284–1327), поскольку счел его образцом воинственности и поведения мужчины, с которого сын должен был брать пример. Как писал автор средневековой хроники, «когда сын короля увидел его, он ощутил к нему такую любовь, что заключил с ним братский союз и твердо решил привязать себя к своему другу в глазах всех смертных узами нерушимой любви». Король почувствовал неладное и на некоторое время отправил Гэвистона в изгнание, обеспечив его пенсией, «дабы он оставался в заморских странах, ожидая доброй воли короля и призыва вернуться ко двору». После смерти короля в 1307 году Эдуард II призвал изгнанника к себе, осыпал милостями и пожаловал графство Корнуэльское в ущерб собственному брату. Правление этого короля характеризовалось тем, что он полностью отринул свой долг монарха по отношению к стране, но всю наслаждался своими привилегиями. Молодые люди были неразлучны, и это вызывало недовольство знати, в особенности, когда во время одной из поездок короля во Францию тот назначил фаворита «стражем королевства».

Поведение графа Корнуэльского приняло особенно скандальный характер во время празднования бракосочетания Эдуарда с Изабеллой Французской. Фаворит настолько стремился играть первую роль во всех церемониях и, таким образом, отвлекал на себя внимание короля, что семья невесты с отвращением покинула пир. В 1308 году английские бароны пригрозили гражданской войной, если Гэвистон не будет изгнан. Тогда Эдуард подчинился, но назначил его своим наместником в Ирландии. Пьер попытался вернуться в 1311 году, но вновь был изгнан по требованию знати, а церковные власти предали его анафеме. Когда он еще раз осмелился приехать в Англию, бароны схватили его, а граф

Барвик самолично отсек Гэвистону голову. Труп передали в Оксфорд доминиканским монахам, которые пришили голову и забальзамировали тело. Эдуард очень долго оплакивал погибшего, отказывался отдать тело, и, в конце концов, покойника были вынуждены вырвать у него силой. По поручению короля специальные посланники добились у папы римского отмены церковной анафемы, ибо без этого Гэвистона нельзя было похоронить в освященной земле.

Впоследствии король утешился и обласкал новых фаворитов, Роджера д'Эмори и Хью Одли; его бездарное правление привело к тому, что Шотландия сумела в 1314 году утвердить свою независимость. Такое предосудительное поведение не помешало королю обзавестись пятью отпрысками, причем один был внебрачным. Однако вышеупомянутые фавориты продержались недолго, их сменили отец и сын Хьюго Диспенсеры (Диспенсер-старший и Диспенсер-младший), которые сосредоточили в своих руках невиданную власть. Диспенсеру-младшему был пожалован титул графа Глостерского и должность лорда-казначей, ему и его отцу переданы огромные земельные поместья. Диспенсеры подстрекали короля отказаться от ограничений, накладываемых на королевскую власть парламентом и править самодержавно. В конце концов доведенная до крайности королева Изабелла организовала заговор, Эдуард, бежавший вместе с фаворитом в Уэльс, был пленен, взят под стражу и через некоторое время умерщвлен, причем, по слухам, весьма омерзительным способом, указывавшим на его порочные склонности. Обоих Диспенсеров обвинили в государственной измене и казнили самым жестоким образом. Диспенсера-младшего сначала подняли на виселице в петле, извлекли оттуда полузадушенным, вырвали у него внутренности, тело четвертовали и куски разослали по четырем крупным городам в назидание подданным. Это был стандартный метод, применявшийся ко всем преступникам, обвиненным в государственной измене.

Тем не менее мужская любовь продолжала процветать в воинской и религиозной среде. Конец этому явлению попытался положить великий женолюб король Генрих VIII, издавший закон о запрете подобных отношений под страхом смерти, ибо «не существует достаточного наказания за сей ужасный порок». Самое интересное, что при его отце Генрихе VII «сей ужасный порок» как-то не вызывал особых нареканий, а иностранные послы отмечали в тот период заметное изобилие женоподобных юнцов при королевском дворе. Похоже, появление этого закона было вызвано не столько стремлением навести какой-то нравственный порядок, сколько раздуть враждебные настроения против римской католической церкви и наложить лапу на ее сокровища, к чему все и свелось. Судебные процессы затевались в основном против клира папской церкви. Постепенно в уме обывателей возникла прочная ассоциация гомосексуальной любви со служителями католической церкви, в особенности с членами ордена иезуитов. Вышеуказанный закон пережил века и был заменен лишь в 1828 году. Однако во времена Генриха VIII чаще стали возбуждать дела о домогательствах преподавателей в отношении несовершеннолетних в учебных заведениях. Так, в 1541 году для расследования в Лондон был вызван директор школы в Итоне Николас Юдалл, признавшийся в «совершении несколько раз развратных действий в отношении ученика Томаса Чейни». Юдалл провел некоторое время в тюрьме Маршалси, но потом был назначен директором Вестминстерской школы.

При елизаветинском дворе нравы были свободными во всех отношениях и для всех полов, причем предаваться мужской любви не считалось тяжким грехом. Как известно, к этой же эпохе относится расцвет театрального дела в Англии, что дало очередной толчок развитию гомосексуальных отношений. Для исполнения женских ролей в театры привлекались миловидные юнцы со всеми вытекающими последствиями. Самые дорогие места зрителей располагались непосредственно на сцене, дабы «воспользоваться восхитительной честью познакомиться с юношами». Зачастую театры становились местами встречи общества людей с определенными наклонностями, которые после спектаклей вместе с облюбованными юношами перемещались в известные лишь немногим места, где можно было безбоязненно предаваться любовным утехам, не опасаясь, что на тебя донесут

бдительные набожные соседи.

Сами драматурги также иной раз не гнушались отдавать дань мужской любви. У кого есть такое желание, может с большим усердием изучить всем известные творения великого Шекспира; с плодами трудов прочих, менее одаренных, драматургов XVII века знакомы, в основном, лишь узкие специалисты. Эти опусы более откровенны, изобилуют игрой слов с намеками на рискованные темы, весьма сложными для перевода на русский язык, и временами сильно отдают неприкрытой вульгарностью по части эротики. Несомненно талантливый предшественник Шекспира Кристофер Марло (1564–1593) не скрывал своих наклонностей и в открытую заявил: «Все те, кто не любят табак и мальчиков, суть глупцы». В своей пьесе «Эдуард II» он вообще без какой бы то ни было стыдливости говорил о любви короля к Пьеру Гэвистону. Преемники Шекспира, творившие совместно и очень популярные, Фрэнсис Бомонт (1584–1616) и Джон Флетчер (1579–1625) слыли среди сочинителей пьес той поры белыми воронами. Они имели дворянское происхождение – зарабатывать на жизнь пером, да еще в театре (пуритане провозгласили сие заведение скопищем всех пороков, и в 1642 году в начале буржуазной революции наспигованный ими парламент постановил закрыть все театральные заведения), считалось занятием в высшей степени неподходящим для благородного человека. Мемуарист 2-й половины XVII века Джон Обри приводил такие сведения о соавторах: «Холостяками оба жили вместе на южном берегу Темзы, недалеко от театра («Глобуса»); спали на одной кровати; имели на обоих одну служанку в доме, что им очень нравилось; платье, верхняя одежда и прочее у них тоже были общими». В конце 1612 года на богатой наследнице женился Флетчер, в начале 1613 – Бомонт, после чего их совместное творчество прекратилось.

Интересно, но дань эротике отдала и мода на мужскую одежду. Тогда как женские туалеты были устроены таким образом, чтобы как можно надежнее скрывать все то, что было греховного в облике женщины, портные прилагали все усилия и уловки к тому, дабы подчеркнуть мужскую статью. Гульфики распухали от набивки, намекая на мясистость мошонки; благословением стало изобретение трикотажных чулок, обрисовывавших очертания стройных ног, а порты и камзолы становились все короче, невзирая на суровость климата. На портретах в полный рост той эпохи обращают на себя внимание чрезмерно длинные носы обуви, тем более что разницы между левой и правой ногой сапожники тогда не делали, она пришла только в конце XVIII века. Для придания жесткости носы набивали опилками в угоду старинному поверью, что чем больше ступня, тем длиннее пенис.

Так что страна, которая досталась в наследство королю Иакову, была очень хорошо знакома со всеми разновидностями любви человеческих существ.

Семейная жизнь короля

В 1589 году король Иаков, весьма серьезно относившийся к исполнению своего долга помазанника Божия по отношению к подданным, вступил в брак. Из политических соображений посватались к датской принцессе Анне (1574–1619), богатой и завидной невесте, руки которой добивались наследники нескольких монархий. Был выбран шотландский претендент с целью положить конец вечному спору между двумя соседями из-за принадлежности Оркнейских и Шетландских островов: Анна принесла их с собой в качестве приданого.

После венчания по доверенности в Дании, 1 сентября 1589 года новобрачная отправилась в свои новые владения, но прибыла туда лишь 21 апреля 1590 года. Вскоре после отплытия ураганный ветер повредил ее судно, которое было вынуждено искать прибежище у берегов Норвегии. Лишь в октябре обеспокоенный Иаков узнал о местонахождении жены и отправился в морское путешествие навстречу ей. На пятые сутки шторм настиг и его судно, которое также укрылось в норвежской гавани. Королю пришлось по суши добираться до Осло, где Анна ожидала его в епископском дворце. При виде нескладного молодого супруга среднего роста, с его выпученными глазами, жидкой

бороденкой, тонкими ногами, сделавшего попытку расцеловать ее, она в ужасе отшатнулась. 23 ноября состоялось второе бракосочетание, после чего новобрачные уехали на санях в Копенгаген, где 21 января 1590 года было проведено третье бракосочетание в присутствии королевской семьи. После длительных празднеств по этому случаю новоиспеченная монаршая чета 21 апреля отбыла в Шотландию, а 6 мая королева совершила торжественный въезд в Эдинбург в серебряной карете, запряженной восьмью белыми лошадьми. Воспитанная в духе последних достижений европейской культуры Анна была потрясена отсталостью своих владений и неприглядностью супруга.

Впоследствии в одном из своих трудов – как уже сказано выше, Иаков был отнюдь не глупым человеком и получил солидное образование – он писал так: «Женитьба есть величайшее земное счастье или несчастье, которое может прийти к человеку». Похоже, счастьем в семейной жизни монарха и не пахло. Сам он имел отталкивающий вид, ибо никогда не мылся и издавал отвратительный запах, слишком длинный язык был причиной того, что у него постоянно текла изо рта слюна, а его привычка к словоохотливости могла отпугнуть кого угодно – король буквально не закрывал рта. Однако молодой жене было невыносимо выслушивать его бесконечные рассуждения на теологические и философские темы. Супруги очень быстро перешли на отдельный образ жизни, но свой долг перед отечеством исполнили в полной мере: Анна родила семерых детей (из них выжили только трое), двое появились на свет мертворожденными, к тому же она перенесла два или три выкидыша. Первые коренные разногласия возникли у королевской четы, когда Иаков забрал у матери новорожденного наследника короны принца Генри и отдал его под надзор супружеской пары графа и графини Карр в замок Стёрлинг. В дальнейшем пропасть между супругами только углублялась и расширялась.

После смерти своей дальней родственницы, королевы Елизаветы I Тюдор, шотландец унаследовал корону Англии и Ирландии и из Иакова VI превратился в Иакова I. Он самым простодушным образом пришел в восторг от того, какая богатая страна досталась ему в управление: «с каменной скамьи я улегся на пуховую перину». Новым же подданным король не понравился с самого начала. На пути из Эдинбурга в Лондон он совершил непростительную ошибку, которая навсегда испортила его облик в глазах англичан. Во время его перемещения по стране на месте преступления был пойман вор, вина которого была более чем очевидной. Путешествовавший в направлении своей новой столицы король, не мудрствуя лукаво, приказал одного тать без промедления казнить. Все присутствовавшие были потрясены до глубины души: никто не ставил под сомнение чрезвычайную гнусность совершенного деяния и соразмерность наказания (покушение на частную собственность испокон веков относилось к разряду тягчайших преступлений), но, по древней английской традиции, совершивший столь позорное правонарушение обязательно сначала должен быть предан суду и далее наказан в соответствии с вынесенным приговором. Интеллектуала Иакова сочли неотесанным, незадачливым шотландским дикарем, и отношение в нему сложилось соответствующее не только среди простонародья, но и в парламенте Англии.

Его попытки превратить три смежные страны в единое государство с одним парламентом и общим государственным аппаратом потерпели неудачу. К счастью, до 1612 года последний министр Елизаветы I, сэр Роберт Сесил, твердой и опытной рукой вел государственный корабль по давно проложенному курсу. Однако после его кончины пробил роковой час, когда Иаков оказался не в состоянии побороть в себе искушение подчинить разум монарха своим личным наклонностям.

Человек, никогда не давший и тени повода королеве Анне для обвинения в вульгарной супружеской неверности, не смог устоять перед склонностью к мужской дружбе. Как это ни прискорбно, но в период его зрелости как государственного мужа при дворе пышным цветом расцвел институт фаворитизма. Народная мудрость оценила облик короля следующим емким высказыванием: «Елизавета была Королем; Иаков же теперь – Королева». Интересную тенденцию отметили историки моды: при дворе Иакова I женская мода переняла некоторые характеристики мужской одежды, а мужская стала выглядеть более женственной. Что

касается королевы Анны, то она со своим штатом проживала в выделенных ей дворцах, в основном за пределами Лондона, появляясь подле короля лишь на официальных церемониях. Королева быстро залезла в долги, ибо тратила огромные деньги на так называемые маскарады-представления и изысканные ювелирные украшения. Лишившись рано умершего старшего сына Генри-Фредерика и выдав дочь Элизабет замуж, она изливала всю свою материнскую любовь на младшего отпрыска, Карла. Анна проявляла полное равнодушие к личной жизни Иакова, ибо уже давно смирилась со странными склонностями своего венценосного супруга.

Королевские слабости

Не сказать чтобы этого не замечали за ним ранее. Незадолго до смерти Елизаветы I сердце короля покорила некий Джеймс Хэй (1580–1636), позднее получивший титул графа Карлайла. По отзывам современников, «это был самый великолепный из модных молодых людей, и, согласно склонностям ему подобных, столь же великолепно экстравагантный. Требовались бешеные деньги не только для того, чтобы наряжать этого красавца, но и накормить его. Однажды он пригласил к себе некоторое число друзей и усадил их за столом, который гнулся под тяжестью холодных блюд, столь же дорогих, сколь и изысканных. Однако, прежде чем компания успела охватить это зрелище восторженными взглядами, армия слуг унесла все и заменила каждое блюдо его точной копией, но в горячем приготовлении».

Красавец Хэй избрал карьеру профессионального дипломата и в качестве такового довольно успешно выполнил целый ряд поручений за границей. Король приискал ему богатую невесту, которая, правда, быстро оставила его вдовцом с парочкой малых сыновей. Он получил за свою службу множество титулов, отличий – в частности, титул графа Карлайла и высший орден Подвязки – и денежных вознаграждений, ибо пользовался также фавором и Карла I. Граф Карлайл потратил на свою веселую жизнь около четырехсот тысяч фунтов, источником которых была королевская казна, но не обеспечил наследников ни деньгами, ни недвижимым имуществом. Он остался в памяти современников как образец придворного с изысканными манерами и джентльмена с утонченным вкусом.

Преемником Джеймса Хэя стал англичанин Джордж Херберт, граф Монтгомери. Посол Франции описал его как «красивого ликом, плохо сложенного, чрезвычайно властного». Надо сказать, продержался он подле короля недолго.

Более прочно обосновался на этом месте фаворит, обладавший глубокими шотландскими корнями. Роберт Карр (1587–1645), отпрыск незначительной дворянской семьи, начинал свою карьеру в Эдинбурге пажом при шотландском лорде Данбаре. На его счастье или несчастье, еще в нежном возрасте четырнадцати лет случай свел его с Томасом Оувебери (1581–1613), поэтом, эссеистом и вообще умным человеком, обладавшим некоторыми связями в среде английской аристократии. Оувебери оценил потенциал Карра, рыжеволосого статного красавца с атлетически развитыми плечами, и уговорил его отправиться в Лондон, где его качества определенно получат более достойную оценку. Он смог пристроить его при дворе; поскольку Карр не обладал ни особыми мозгами, ни образованием, Оувебери стал его другом, наставником и умом.

В 1607 году Карр сломал ногу, участвуя в придворном турнире, на котором присутствовал Иаков I. По-видимому, Роберт Карр произвел на короля глубочайшее впечатление, ибо тот принял чрезвычайно горячее участие в молодом человеке, лично наблюдая за лечением непосредственно у его ложа и заодно давая этому невежде уроки латыни. По выздоровлении пострадавшего началось его головокружительное восхождение вверх. Король возвел его в рыцарство, Карру отошли конфискованные поместья знаменитого авантюриста елизаветинского правления Уолтера Рэли, он получил титул графа Сомерсета, должность хранителя печати, лорда-камергера. Влияние фаворита на короля было столь велико, что в 1610 году новоиспеченный граф подбивал короля распустить

парламент, весьма недружественно отзывавшийся о шотландских придворных монарха.

Иаков I был намерен править единолично, опираясь на надежного фаворита, но Карр, тщеславный и высокомерный, к сожалению, был неприспособлен для такой амбициозной задачи, она далеко превосходила его более чем скромные возможности. Это быстро осознал могущественный клан семьи Говард, постаравшийся прибрать к рукам и власть, и фаворита.

Ловушка для фаворита

Говарды могли похвастаться чрезвычайной знатностью, ибо род их восходил к шестому сыну короля Эдуарда I. Эта семья оказала множество услуг английской короне, за что глава ее в свое время был возведен в герцогское достоинство. Несомненно, весьма яркой личностью в правление дурной памяти короля Генриха VIII стал 3-й герцог Норфолкский Томас (1443–1594). Дважды женатый отец оставил ему в наследство два десятка сестер и братьев, которые, в свою очередь, также наплодили немало потомков этой славной династии. Умело заключая выгодные браки и продвигая родных человечков на ответственные и хлебные должности, герцог сумел обеспечить себе небывало сильную поддержку. Как это нередко бывает, источником неприятностей для семьи стали слабые женщины: в качестве второй и пятой жен королю было угодно избрать себе племянниц Томаса, Анну Болейн (1501/1508-1536) и Кэтрин Говард (1518/1524-1542). Обеим выпала жуткая судьба быть обвиненными в государственной измене и взойти на эшафот. Королю и этого показалось мало: он патологически преследовал самого герцога Норфолкского, который чуть ли не десять лет провел в тюремном заключении и не лишился головы только потому, что в день, назначенный для его казни, скончался Генрих VIII и начинать новое царствие с кровопролития было сочтено дурным предзнаменованием. При Елизавете I, дочери Анны Болейн, Говарды опять вошли в фавор и обрели прежнее могущество. Правда, кое-кто из них не оставлял попыток плести неблагоприятные интриги вроде возведения на трон Англии Марии Стюарт и восстановления в королевстве католической веры. За сие 4-й герцог Норфолкский жестоко поплатился своей головой и конфискацией имущества, но семейство было столь многочисленно, что единичные случаи убыли ничуть не проредили его боевые ряды. Говарды лишь плотнее сомкнули их, дабы противостоять невзгодам переменчивой придворной и политической жизни.

Томас Говард, 1-й эрл Саффолк (1561–1626), был младшим братом казненного 4-го герцога Норфолкского, но, тем не менее, сумел добиться и влияния, и богатства. Он служил во флоте и заработал почет и славу своими победоносными действиями против Испанской армады. Землю и деньги он унаследовал от матери (как известно, от отца младшие дети английской знати ничего не получают) и женился на известной красавице Кэтрин Нивит, которая в свои 16 лет уже успела стать вдовой после первого замужества. Томас и Кэтрин произвели на свет 14 детей, причем чуть ли не все они, невзирая на ужасающе высокую детскую смертность того времени, благополучно выжили и стали средством заключения выгодных браков с прочими представителями английской знати. Девятым ребенком стала девочка, окрещенная именем Фрэнсис (1590–1632).

Когда Фрэнсис исполнилось 14 лет, ее выдали замуж за 13-летнего Роберта Девере, графа Эссекса (между прочим, сына казненного фаворита королевы Елизаветы I). Хотя браки в столь юном возрасте испокон веков широко практиковались среди английской аристократии, прогресс проник и в эту высокородную сферу. Уже пришло осознание опасности слишком раннего начала половой жизни и последующей беременности для девочек-подростков, а потому новобрачных тотчас же после венчания разлучили. Роберта отправили в обязательный для аристократа образовательный Большой тур по Европе, а Фрэнсис – в Лондон под крылышко матери, которая служила фрейлиной при королеве Анне, супруге Иакова I.

Блестящий двор потряс воображение Фрэнсис как роскошью, разнообразием развлечений, весьма свободными нравами, так и теми возможностями, которые открывались

там для привлекательной и неглупой девушки. Унаследовавшая красоту матери отроковица быстро оформилась в эффектную брюнетку с огненными очами, которым удалось воспламенить сердце Роберта Карра настолько, что он безумно влюбился в нее и подпал под влияние всего семейства. Как ни пытался Оувебери, которому фаворит всецело доверял, указать ему на опасность, исходящую от Говардов, тот не стал внимать его советам. Дело приняло еще более опасный оборот, когда леди Фрэнсис вздумала выйти замуж за Карра, теперь уже графа Сомерсета. Она без особого труда склонила семейный клан, загоревшийся перспективой породниться с фаворитом, затеять скандальный бракоразводный процесс со своим мужем, графом Эссексом, чего не имела права сделать сама, будучи несовершеннолетней.

В 1609 году Роберт Девере, граф Эссекс, возвратился из долгих странствий на родину и тотчас потребовал приезда жены в свое родовое поместье Чартли. Вернувшись к родному очагу, граф, к несчастью, тут же заболел оспой, хворью чрезвычайно опасной и заразной, и его супруга под этим предлогом избегала общения с недужным юношей, закрывшись в своей комнате. Однако когда Эссекс благополучно выздоровел, Фрэнсис отказалась делить с ним ложе, даже когда ему удавалось силком затащить ее на оное, осыпая его унижительной для его мужского достоинства бранью. Далее молодая дама открыто заявила, что ее супруг есть не что иное, как самый натуральный импотент, она-де так и осталась девственницей и на этом основании требует аннулировать их брак.

Естественно, родня поддержала бедную Фрэнсис и от ее имени возбудила бракоразводный процесс, тянувшийся весьма неспешно, наделавший много шума и привлекавший массу зрителей, охочих до пикантных подробностей. Леди Фрэнсис обвиняла мужа в импотенции, тот уверял, что бессилие постигает его только при попытках заняться сексом с собственной женой, а вот другим женщинам на него жаловаться не приходится. Была создана комиссия из 10 уважаемых почтенных матрон и двух повивальных бабок, которые освидетельствовали Фрэнсис и подтвердили, что она является девственницей. Все было бы ничего, но эта авторитетная комиссия проводила обследование женщины, закрывшей, по причине вполне понятной естественной стыдливости, лицо и голову густой вуалью. Злые языки уверяли, что под покровом пряталась вовсе не Фрэнсис, а другая непорочная девица, дочь сэра Томаса Монсона, придворного, душой и телом преданного королю и готового на подмену для ублажения королевского фаворита – Иакову I очень хотелось, чтобы граф Сомерсет обрел семейное счастье. Итог пересудам по поводу этой хитроумной манипуляции подвела едкая эпиграмма, которая вскоре начала курсировать по Лондону:

Двенадцать матрон учинили осмотр –
 Надули сих дам, как детей:
 Подсунули вместо блудницы юницу,
 Всех дев королевства честней.
 Пусть кумушки судят вкривь и вкось –
 Матронам поверить изволь!
 Долой подозренья, сплетни отбрось –
 Ведь свечку держал сам король!

По-видимому, король оказал давление и на графа Эссекса. Тот выступил совершенным рыцарем, согласившись с выдвинутым против него обвинением супруги в импотенции, т. е. признал ее сохранившей невинность. Брак был немедленно аннулирован, и состоялась роскошная свадьба, где леди Фрэнсис появилась в одеждах непорочной девственницы и вела себя с подобающей чистой деве стыдливостью. Как писал современник, «лондонский Сити и двор Уайтхолла объединились для прославления того, кого любит король».

От Томаса Оувебери, отговаривавшего Карра от совершения этого опрометчивого шага, Говарды очень ловко отделались. Они уговорили короля предложить ему отправиться

послом в Московию ко двору молодого царя Михаила Романова, от каковой чести он, как и предполагалось, отказался. После чего Оувебери по обвинению в государственной измене уехали в Тауэр, где узник через непродолжительное время внезапно скончался «от естественных причин». Говарды обрели большую силу, отец леди Фрэнсис в качестве лорда-казначея без зазрения совести запускал руку в государственную казну, младший брат в звании лорда-адмирала разваливал флот, а любовь монарха к графу Сомерсету приобретала все более неприглядный облик. Слабый на ноги король передвигался под руку с фаворитом, осыпал молодого человека нежными взглядами и выполнял любое его желание.

Все это вызывало неприятие со стороны многих дворян, и образовался некий кружок лиц, лелеявших замысел разрушить влияние семейства Говард и подвести к королю своего человека, более послушного для манипулирования монархом. Каждый аристократ, имевший на примете красивого юношу, предлагал свою кандидатуру. Во главе этого комплота стоял Джордж Эббот, архиепископ Кентерберийский. Он усматривал опасность, исходившую от графа Сомерсета, не только в слепой привязанности к клану Говардов, но и в его приверженности к союзу с испанским королевством, что грозило переходом Англии в орбиту католицизма. Этого ни в коем случае нельзя было допустить во имя сохранения трудов блаженной памяти короля Генриха VIII Тюдора, создавшего протестантскую англиканскую церковь.

Красавец для короля

Наконец, перед заговорщиками блеснул лучик надежды. 3 августа 1614 года король Иаков отправился в свой любимый замок Апторп с целью навестить милых его сердцу собак и обратил свое августейшее внимание на молодого человека, недавно поступившего на службу при дворе. От членов свиты, сопровождавшей монарха, не ускользнуло волнение, испытанное повелителем при виде этого восхитительного юноши. Это произошло немного позже после того, как студенты Кембриджского университета разыграли перед его величеством и супругой фарс «Невежда». Невзирая на любовь короля к комедиям, все внимание Иакова оказалось прикованным все к тому же прекрасному юноше. В сердцах врагов графа Сомерсета зародилась надежда, что именно этот Ганимед¹ спасет короля и отечество от призрака папизма, вполне реально замаячившего пред очами истинных протестантов.

Юноша по имени Джордж Вильерс принадлежал к старинной нормандской семье, которая обосновалась в Англии с приходом Вильгельма Завоевателя. Что касается французской ветви этого рода, то история сохранила имя Филиппа де Вильерса де Лиль-Адана, Великого магистра Мальтийского ордена и защитника Родоса от турок. Английская же ветвь ничем особенным себя не проявила, прозябая в течение четырех веков в графстве Лестершир. Сэр Джордж Вильерс, владелец поместья Бруксби, в 1561 году получил должность шерифа. Он был женат дважды и надежно обеспечил продолжение своего рода. От первой жены, Одри Гэндерс, у него остались два сына и три дочери, от второй, Мэри Бомон, три сына – Джон, Джордж, Кристофер, – и дочь Сьюзен.

Мэри Бомон также принадлежала к славному старинному роду, но все приданое девушки составляла единственно ее выдающаяся красота. В 1605 году она овдовела и оказалась в отчаянном положении, поскольку все имущество покойного супруга перешло к наследникам от первого брака. Двести фунтов дохода и крошечное поместье Гудби явно были недостаточны, чтобы взрастить четверых детей и вести приемлемый образ жизни. Вдова была не только красива, но хитра и амбициозна. Она остро осознавала крайнюю

¹ Ганимед – в греческой мифологии прекрасный юноша, похищенный орлом Зевса и перенесенный на Олимп. Ему была дарована вечная молодость, он заменил богиню Гебу, подавая нектар и амброзию богам. Согласно Еврипиду, он делил ложе с Зевсом.

необходимость дать хорошее образование сыновьям и решила вновь пойти под венец с сэром Уильямом Рейнером. К ее великому сожалению, он также вскоре переселился в мир иной, опять-таки не оставив вдове приличного наследства. Мэри не пала духом и вновь пустилась на поиски мужчины, который смог бы стать ей надежной опорой и защитой в ежедневной жестокой борьбе за выживание. На сей раз ей пришлось согласиться на явный мезальянс, сочетавшись браком с так называемым джентльменом-фермером, сэром Томасом Комптоном, человеком неотесанным и сильно закладывавшим за воротник. Тем не менее она добилась своей цели: ее сыновья получили хорошее образование.

Ее второй сын Джордж, родившийся в 1592 году, провел детские годы в помещичьем особнячке Бруксби-холл, который отец гордо именовал родовым замком. Это было обычное детство отпрыска сельского дворянина, проведенное на лоне трогательной английской природы и заполненное играми, охотой и упражнениями, развивавшими силу и ловкость тела. Развлечения были по-деревенски простыми и немногочисленными.

В возрасте десяти лет Джорджа послали учиться в школу Биллесдена, где он не выказал никаких особых дарований. Через три года из – за смерти отца он был вынужден возвратиться в крошечный господский дом Гудби-холл, жалкие крохи, доставшиеся в наследство матери. Сочетавшись браком с мужиковатым и приверженным самым низменным привычкам сэром Томасом Комптоном, Мэри, по крайней мере, отделалась от груза материальных забот и целиком посвятила себя обеспечению достойного будущего своим детям.

Уже выделявший своей красотой Джордж отличался также изяществом телосложения, жизнерадостностью, сноровкой и нелюбовью к кропотливой методичной работе, каковую предполагает успешное учение. Поэтому мать быстро отказалась от замысла заставить его грызть гранит науки в Оксфорде и решила направить сына по пути, более подходящему для его нрава, т. е. подготовить для карьеры придворного.

С этой целью подросток усиленно обучался всем тем искусствам, которые могли бы оказать ему содействие в завоевании благосклонности сильных мира сего: верховой езде, псовой охоте, фехтовании, танцам, музыке, игре в мяч, выучке охотничьих птиц и собак, красноречии, учтивости, изысканной манере отвечать на комплименты, состязаться в остроумии с поднаторевшими в этой сложной науке людьми и ухаживать за дамами. Он даже овладел высоким мастерством не выказывать глупый вид в компании умных людей. Конечно, это было всего лишь красивой тонкой оболочкой, успешно прятавшей отсутствие истинной культуры, но отнюдь не повредило его природному вкусу, благодаря которому он вошел в число крупнейших меценатов того века.

Надо сказать, что обучение всем тонкостям мастерства пресмыкаться перед сильными мира сего не испортило его душевные качества. Он остался существом верным, искренним, щедрым, преданным своим друзьям, привязанным к своей семье и неспособным на низкий поступок. Ему нравилось очаровывать, и он в полной мере пользовался этим, но ему также нравилась дружба, которой он предавался со всей искренностью.

Иностранцы отмечали нескрываемую неприязнь жителей Британских островов к иностранцам и странам, расположенным на континенте. Тем не менее дворянин, собиравшийся поступить на службу к королю, считал свое образование незаконченным, если он не посетил эти таинственные и манящие страны. Невзирая на существенные затраты, которые явно выходили за пределы допустимого, Мэри Бомон решила не лишать своего любимого сына этого завершающего этапа в обучении.

Таким образом, Джордж, по всей видимости, осенью 1610 года отправился во Францию. После отплытия он познакомился со своим ровесником Джоном Элиотом (1592–1632), дворянином из старинного рода, и подружился с ним. Оба были молоды, веселы, полны жизненного задора и склонны ко всякого рода приключениям. Забегая вперед, скажем, что эта дружба долго связывала их, хотя впоследствии Джон, превратившийся в заметного политика, стал в оппозицию к Джорджу, всячески борясь за свободы и привилегии парламента. Ему пришлось заплатить за это заключением в Тауэр и ранней смертью в

темнице.

После нескольких месяцев Джон Элиот отправился далее в Италию, а Джордж Вильерс остался во Франции и прожил там три года. Об этом периоде его жизни не известно почти ничего, и можно только предполагать, какой запас познаний и навыков вынес молодой человек из столь длительного пребывания в Париже. Надо сказать, что в то время столица Франции представляла собой весьма любопытное зрелище, полное удивительных контрастов. На его грязных узких улочках кипела бурная торговая, общественная и криминальная жизнь, ночью же наступало полное раздолье для всех видов тяжких преступлений. Питательной средой для правонарушений служили так называемые «дворы чудес», трущобы, где обитали несколько тысяч татей, готовых на самые злодейские деяния. Своим названием они были обязаны тому, что влачившие в них нелегкое существование крепкие ребята с дурными наклонностями, промышлявшие по ночам разбоем, с рассветом нередко преображались в немощных и увечных попрошаек, успешно обчищавших карманы и кошельки честных подданных короны.

Что же касается сливок парижского общества, дворян, то, как писал в ту пору английский посол, «ни один француз не считается достойной личностью, если он не убил человека на дуэли». Честь дворянина являлась первостепенной ценностью, которая ставилась выше жизни. Так, в течение 1609 года погибли две тысячи дуэлянтов, и эта печальная тенденция в будущем угрожала дальнейшим ростом. Нравы двора Генриха IV были весьма грубы и малокультурны, но уже сказалось влияние эпохи Возрождения и утонченных итальянских дворов. Во французском обществе начали придавать все большее значение красивому языку и благородству отношений. От искусства требовали как можно большего удаления от низменной действительности как в сюжете, так и в языке.

В ход пошли рыцарский роман времен раннего феодализма и лирика с ее культом прекрасной дамы и изящной куртуазности. В том же 1609 году вышел в свет роман Оноре д'Юрфе «Астрея», события которого разворачиваются в Галлии в IV веке. Действующими лицами являются рыцари и нимфы, идеальные пастухи и пастушки, друиды и весталки. Здесь царствует галантная любовь, а герой романа Селадон, безупречный во всех отношениях влюбленный, приобрел такую популярность, что имя его стало нарицательным. «Астрея» пользовалась бешеным успехом и ввела моду на чистую любовь, элегии, утонченные чувства, изысканные манеры. Господа и дамы ломали комедию, изображая идеальных влюбленных.

Джордж Вильерс вкусил понемногу всего. Он посещал знаменитую школу верховой езды сьера Плувинеля и брал уроки фехтования у известных мастеров, благодаря которым французская школа этого благородного вида спорта потеснила итальянскую. Встречи с необузданными дуэлянтами укрепили в нем ту устрашающую смелость и неукротимый пыл в действии, который столь прославляли его биографы. Он обучился французскому языку и манере говорить ясно, гармонично и убедительно. Своей изысканной любезностью, изяществом держаться, любви к искусствам он также в некоторой степени обязан пребыванию в Париже.

Джордж побывал и в Лувре, полном заговорщиков, священников и ворожей, возможно, позавидовал могуществу Кончини, тогдашнего фаворита регентши Марии Медичи. Его восхитили праздники, устроенные на Королевской площади по случаю помолвки монарха-подростка Людовика XIII с испанской инфантой Анной Австрийской. Но он уехал до прибытия принцессы и не увидел Ришелье, который тогда еще прозябал в своей епархии в Люсоне.

В 1613 году Джордж Вильерс покинул Францию, возвратился в родные пенаты и провел несколько месяцев в Гудби-холл, наслаждаясь тишиной и спокойствием сельской жизни.

Именно тогда появилась первая из немногих женщин, которым судьба милостиво предоставила возможность оставить след в его жизни. Энн Эстон была дочерью Роджера Эстона, бывшего брадобрея короля, который, невзирая на довольно низкое происхождение,

дорос до должности гардеробмейстера. Девушка рано осталась сиротой, обладательницей крупного состояния и, похоже, была не лишена привлекательности. Подтолкнула ли его к этой богатой девице мать, позарившаяся на значительное приданое? Был ли причиной какой-то внезапный порыв с его стороны, которыми столь богата его жизнь? Точно известно лишь то, что состоялась помолвка и девица воспылала страстью к своему жениху.

Однако опекуны девушки не разделяли ее восторгов. Годовой доход Джорджа составлял всего пятьдесят фунтов, что разительно отличалось от обеспеченности Энн. Опекуны требовали по меньшей мере восемьдесят фунтов. Переговоры, более смахивавшие на препирательства двух торгашей, были в самом разгаре, когда в Гудби-холл поступило послание от герцога Леннокса, который призывал Мэри Бомон не мешкать с отправкой сына ко двору, обещая ему свое покровительство. Французский посол, рассказывая об этом, утверждал, что герцог уже тогда планировал противопоставить графу Сомерсету соперника в лице своего ставленника.

Двадцатидвухлетний Джордж представлял собой худощавого юношу, чрезвычайно высокого, с длинными стройными ногами. Как писал один из его современников, «каждый из его членов казался имеющим совершенные пропорции, и трудно было сказать, чем именно он берет, то ли своей силой, то ли изяществом». В глазах озорное выражение сменялось нежным, лоб был открытым, нос прямым, рот чувственным с четко очерченными губами – сущий прекрасный принц из сказки! Его юношеская свежесть придавала еще большую трогательность этому обаянию, этой приятной манере общения, этому чарующему голосу, которыми так восторгались современники, не состоявшие в стане его врагов. Никакой претенциозности, ничего деланного и фальшивого! Джордж Вильерс излучал здоровье, радость жизни, желание быть любимым и любить самому. Юноша обладал не только из ряда вон выходящей красотой, но и изяществом манер, учтивостью, непосредственным заразительным весельем и даром нравиться. От него исходило какое-то непередаваемое обаяние, которое, похоже, должно было покорить и короля. Но Иаков, по своей природе весьма робкий, полностью подпавший под влияние графа Сомерсета, вряд ли был способен самостоятельно решиться на смену фаворита. Необходимо было подтолкнуть его к этому ответственному шагу, и показать товар, а скорее, наживку заговорщиков, лицом.

Лица, заинтересованные в смещении графа Сомерсета, были вынуждены скрепя сердце отказаться от своей традиционной английской прижимистости и сброситься на одежду, экипировку и все прочее, необходимое для достойного снаряжения придворного того времени. Двор короля Иакова отличался своей роскошью, превосходя в этом даже французский, страдавший от неумной жадности фаворитов регентши Марии Медичи, Кончино Кончини и Леоноры Галигаи. Если при Елизавете I на нужды двора ассигновалось 27 тысяч фунтов, в 1614 году эта сумма выросла до 150 тысяч. Одежду шили в основном из атласа, бархата, золотой и серебряной парчи, вдобавок придворных охватила какая-то неудержимая страсть к драгоценностям, которыми в изобилии украшали себя как женщины, так и мужчины. В бешеной моде были дорогостоящие кружева, огромные воротники и манжеты, кружевами отделявали даже сапоги. Оружие и доспехи должны были быть самого высокого качества, желательнее, от лучших итальянских оружейников. Мужчины, не менее чем женщины, стали прибегать к косметике, притираниям, духам и румянам. Естественно, стоило все это немалые деньги, и безденежному молодому человеку приобрести полную экипировку было не под силу, а король придавал большое значение внешнему виду придворных. К тому же, было необходимо внедрить молодца в ближний круг монарха.

По счастливому совпадению оказалась вакантной должность королевского виночерпия. Сэр Томас Лейк, переметнувшийся в стан врага член клана Говардов, изъявил готовность купить ее и уступить Джорджу Вильерсу. Функция виночерпия была почетной и ответственной, ибо влекла за собой ответственность за здоровье короля – не дай Бог злоумышленник подбросит в кубок монарха яд, ибо примеров тому было несть числа. С другой стороны, эта должность обеспечивала непосредственное общение с королем и потому очень ценилась. Традиционно виночерпий должен был иметь приятную внешность,

отличаться веселым нравом, общительностью, прилежностью, но оставаться скромным и знать свое место.

Роскошь королевского двора, особенно ярко выставлявшаяся напоказ во время так называемых маскарадов-представлений, которые обожала королева Анна, как бы прикрывала специфический облик этого странного общества, где интерес к искусству, литературе, прежде всего поэзии, театру, музыке и живописи соседствовал с грубыми и похабными шуточками, задевавшими также и гомосексуальные отношения. Учтивость зачастую переходила в самые низменные столкновения и драки, дремучие средневековые суеверия процветали среди самых утонченных людей. При этом в столице средний класс истово прославлял пуританские ценности, проповедники в церквях выступали против безнравственности и роскоши в одежде и всю бичевали вавилонскую распущенность двора.

Но король Иаков как будто не замечал этого. Ему нравилось окружать себя радостью, пылкостью, азартом молодости. После внезапной смерти в 1612 году его старшего сына, обаятельного принца Генри, ему все больше хотелось забыть свои заботы. Целый день в его покоях резвились королевские шуты, устраивая уморительные представления с драками, фехтованиями, пением и плясками. Граф Сомерсет, не отличавшийся особым умом, считал ниже своего достоинства обладателя высоких должностей и титулов участвовать в развлечениях такого низменного пошиба. Он высокомерно наблюдал за ними, не скрывая своего легкого презрения к бывшим сотрапезникам. Когда появился новый виночерпий с ликом ангела, он с неодобрением отнесся к нему, но не счел нужным уделять особое внимание этому персонажу.

Однако юный Ганимед прекрасно чувствовал себя в этой обители богов. Он не проявлял ни чрезмерной робости, ни скоропалительной заносчивости, этот внезапный поворот судьбы не ослепил его и не вселил в него скороспелых неумеренных надежд. Джордж наливал вино или мед в кубок короля и благонаравно внимал его речам. Король Иаков любил поговорить, либо читая мораль своим сотрапезникам, либо развивая свои философские воззрения, – благодарная аудитория подобострастно внимала любому слову из уст монарха. Вид молодого красавца с приятной улыбкой на лице ангела услаждал его взор, вдохновлял мысль и очень быстро стал столь привычным, что он уже не представлял себе трапез без этого юного красавца. Налитый им в кубок напиток приобретал вкус нектара, вкушаемого богами на Олимпе.

Вскоре произошло событие, которое, казалось, должно было положить конец карьере юного виночерпия. Лакеи разносили суп, и сделавший неловкое движение служитель пролил жирную жидкость из массивной серебряной лохани на камзол виночерпия, непоправимо испортив его. Еще не привыкший к правилам поведения во дворце, в присутствии суверена Джордж Вильерс инстинктивно мгновенно повернулся и ударил виновника.

Здесь надо сделать отступление для объяснения, что в Англии существовал весьма специфический закон, запрещающий любое агрессивное поведение в присутствии короля, даже не направленное на его особу. Обнажить клинок, размахивать оружием, затеять драку, вызвать на дуэль – все это расценивалось как нанесение оскорбления его величеству и каралось смертной казнью. Граф Сомерсет, выполняя свой долг лорда-канцлера, поспешил отдать приказ незамедлительно схватить преступника. Все замерли, скованные смертельным страхом.

Но король, умнейший и милосерднейший из смертных, сам сочинявший законы и обладавший неоспоримым правом толковать их, нашел аргументы для того, чтобы вызволить это прекрасное создание из неумолимых лап закона. И Джордж Вильерс со своей обворожительной улыбкой вновь приступил к исполнению обязанностей виночерпия за королевским столом.

Двор был потрясен до самых основ. Все осознали, что орел вознес Ганимеда на Олимп.

Лорд Кларендон² писал: «Вильерс возвысился столь быстро, что он не вырос, а взлетел, и фортуна настолько благоволила ему, что он достиг вершины, не будучи замечен у первой ступеньки лестницы. Если он сразу же не получил всего того, чего добился впоследствии, то лишь по недостатку напористости, а не фавора».

Так началась история этого героя, сумевшая перевернуть жизнь двух королей и одной королевы, озлобить целый народ, спутать карты в европейской политике, развязать две войны и бросить в скудную почву британских островов семена будущей революции.

Просчет графа Сомерсета

Но прежде чем новый любимчик утвердится на своем месте, надлежало отделаться от фаворита действующего. Не будучи человеком большого ума, граф Сомерсет выбрал ошибочный путь поведения. Как писал один из современников, «он грубо отметал ласки короля, пытаясь таким образом продемонстрировать всем, что он добился милости монарха другими средствами, более основательными и более достойными уважения, нежели те, которые выдвинули его на самом деле».

Это чрезвычайно огорчало короля Иакова, который пока не находил в себе сил лишить своей привязанности столь неблагодарное создание, сердечная склонность к которому у него все еще не была утрачена полностью. Сохранилось письмо короля к Сомерсету:

«Вы стремитесь лишь к тому, чтобы уклоняться и избегать прилечь на ложе в моем покое, невзирая на те сотни раз, когда я нижайше заклинал вас прийти туда».

Король не мог найти в себе сил расстаться с графом и все еще считал его своим другом. Но тот уже утратил и свежесть, и порывы молодости, а Иаков нуждался в том, чтобы иметь подле себя юношу, который бы льстил его чувствительности, удовлетворял его призванию играть роль наставника и питал его нерастратенные отеческие чувства.

Джордж Вильерс представлял собой идеальную фигуру. Что за наслаждение формировать столь идеальное создание, его ум, его личность, его судьбу! Иаков представлял себе, какое чудо будет являть собою соединение силы, смелости, неукротимости молодого Вильерса с его собственными умственными способностями, пронизательностью и знанием человеческой природы. Ему это в высшей степени созидательное занятие доставляло бы истинное удовольствие.

В один прекрасный день к Джорджу явился сэр Джон Грэхем, камергер, который заявил ему, что по приказу короля он должен наставлять его во всех тонкостях искусства быть придворным. Естественно, король лично будет давать ему уроки.

Сэр Джон напрямую заявил Джорджу, что его новое положение не допускает наличия невесты, даже богатой и дочери бывшего гардеробмейстера. Ему не пришлось повторять свой намек дважды: прилежный ученик вернул свое слово Энн Эстон, и бедная девушка бесследно исчезла из его жизни и из истории Англии.

Иаков немедленно назначил Вильерса камердинером, но разыграл перед взбешенным графом Сомерсетом странную комедию. Он поведал ему об ужасном возмущении лондонцев поведением фаворита, но он, король, якобы нашел средство направить это негодование на подставное лицо, марионетку, которая будет играть эту ненавистную для окружающих роль, а истинный фаворит останется в тени. Иаков сообщил Сомерсету, что он выбрал для этой роли Джорджа Вильерса, и постарался уверить графа, что эта хитроумная стратегема не

² Эдуард Хайд, 1-й эрл Кларендон (1609–1674), – крупный английский государственный деятель, лорд-канцлер, дед по материнской линии королевы Анны и Марии II, один из видных историков королевства, автор наиболее важной современной истории гражданской войны «История восстания и гражданских войн в Англии» (1702).

нанесет ему ни малейшего ущерба. Трудно сказать, поверил граф ему или нет, но согласно всем правилам придворного этикета высказал глубочайшую благодарность своему повелителю. Французский посол отреагировал на это следующим образом: «Было достойно сожаления видеть великую королевскую особу в зрелом возрасте, большого ума и чрезвычайно сведущего в делах, наслаждавшегося обласканием нового фаворита и погубительством старого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.